

ЯЗЫКИ
МИРА

LANGUAGES
OF THE
WORLD

Ранее в рамках издания «Языки мира»
были опубликованы следующие тома:

- Уральские языки
- Тюркские языки
- Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки.
Японский язык. Корейский язык
- Палеоазиатские языки
- Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки
- Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки
- Иранские языки. III. Восточноиранские языки
- Дардские и нуристанские языки
- Кавказские языки
- Германские языки. Кельтские языки
- Романские языки
- Индоарийские языки древнего и среднего периодов
- Славянские языки
- Балтийские языки
- Семитские языки. Аккадский язык.
Северозападносемитские языки

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

*Древние реликтовые
языки
Передней Азии*

Москва
2010

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты №№ 05-04-04216а, 08-04-16071д)

Издание «Языки мира» основано В. Н. Ярцевой

Редакционная коллегия тома:
Н.Н. Казанский, А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков

Группа «Языки мира»:
*А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова,
Е.Б. Маркус, Н.В. Рогова, О.И. Романова*

Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Н.Н. Казанский, А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков. — М.: Academia, 2010.

Книга является очередным томом многотомного энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкознания РАН. Данный том посвящен древним реликтовым языкам Передней Азии, не входящим в индоевропейскую и семитскую языковые семьи, а именно шумерскому, эламскому, хурритскому, урартскому, хаттскому и касситскому, а также хронологически и территориально близкому к ним хараппскому языку цивилизации долины Инда. Статьи написаны в соответствии с единой типологически ориентированной схемой, которая применяется во всех томах издания «Языки мира». Эта схема включает социолингвистическую, диахроническую и синхронную структурную характеристику описываемого языка и обеспечивает сопоставимость описаний различных языков. В книге содержится описание клинописной письменности, а также языковые карты, которые отражают распространение описываемых языков. Книга представляет собой одновременно и фундаментальный труд, содержащий научное описание языков, и издание с широким кругом адресатов, включающим лингвистов различной специализации, историков, этнографов, преподавателей, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся древними языками.

ISBN

Languages of the World: Ancient Relict Languages of the Near East. Nikolai N. Kazansky, Andrej A. Kibrik, Yuri B. Koryakov (eds.). — Moscow: Academia, 2010.

This book continues the encyclopedic multi-volume series “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. This volume addresses the ancient relict languages of West Asia, not belonging to the Indo-European and Semitic languages families, including Sumerian, Elamite, Hurrian, Urartian, Hattic and Kassite, as well as Harappan of the Indus valley civilization. Each essay follows the typologically oriented template maintained throughout the Languages of the World series. This template imposes sociolinguistic, diachronic and structural characterization upon individual languages and ensures the commensurability of the descriptions of different languages. This volume also contains an article on the cuneiform system of writing and a set of maps illustrating the spread of the languages under analysis. The volume is intended both as a fundamental linguistic study and as a reference source. It is addressed to a wide audience of linguists of various specializations, historians, cultural anthropologists, teachers and students, and anyone interested in ancient languages.

© Институт языкознания РАН, 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании «Языки мира»	7
Предисловие	9
<i>Ю.Б. Коряков.</i> Древние реликтовые языки Передней Азии.....	11
<i>И.Т. Канева, Н.В. Козлова, Е.Ю. Визирова.</i> Шумерский язык	19
<i>М.Л. Хачикян.</i> Эламский язык.....	95
<i>М.Л. Хачикян.</i> Хуррито-урартские языки	118
<i>М.Л. Хачикян.</i> Хурритский язык	126
<i>М.Л. Хачикян.</i> Урартский язык	149
<i>А.С. Касьян.</i> Хаттский язык	168
<i>П.В. Иосад.</i> Касситский язык.....	184
<i>А.И. Давлетишин, Д.Д. Беляев.</i> Хараппский язык	187
<i>Н.В. Козлова, А.С. Касьян, Ю.Б. Коряков.</i> Клинопись	197
Авторский коллектив.....	223
Глоссарий терминов.....	224
Принятая нотация и сокращения	225
Указатель названий древних реликтовых языков и диалектов Передней Азии.....	228
Приложение: Типовые схемы статей	230
<i>Ю.Б. Коряков.</i> Карты древних реликтовых языков Передней Азии	232

CONTENTS

About the publication “Languages of the World”	7
Preface.....	9
<i>Yu. B. Koryakov</i> . Ancient relict languages of the Near East	11
<i>I.T. Kaneva, N.V. Kozlova, E. Yu. Vizirova</i> . Sumerian	19
<i>M.L. Khačikjan</i> . Elamite	95
<i>M.L. Khačikjan</i> . Hurro-Urartian languages.....	118
<i>M.L. Khačikjan</i> . Hurrian	126
<i>M.L. Khačikjan</i> . Urartian	149
<i>A.S. Kassian</i> . Hattic.....	168
<i>P.V. Iosad</i> . Kassite	184
<i>A.I. Davletshin, D.D. Beliaev</i> . Harappan.....	187
<i>N.V. Kozlova, A.S. Kassian, Yu. B. Koryakov</i> . Cuneiform writing	197
Contributors	223
Glossary	224
Notation and abbreviations	225
Index of the ancient relict languages and dialects of the Near East	228
Appendix: Templates	230
<i>Yu. B. Koryakov</i> . Maps of the ancient relict languages of the Near East	232

ОБ ИЗДАНИИ «ЯЗЫКИ МИРА»

Многотомное энциклопедическое издание «Языки мира» подготавливается одноименной рабочей группой в Институте языкознания РАН в течение ряда лет. Целью издания является описание возможно большего числа естественных языков. Главная идея издания состоит в том, что описание всех языков, независимо от их генеалогической принадлежности и социального статуса, выполняется в сопоставимой форме, по единым стандартам. Таким образом, издание «Языки мира» формирует базу данных для любых сопоставительных и типологических исследований.

Статьи об индивидуальных языках и языковых группах написаны в соответствии с типовыми схемами (см. Приложение к настоящему тому). Статьи включают общую и социолингвистическую характеристику языков, сведения о диалектах, письменности и истории языков, внутривидовое описание фонетики, грамматики и лексики, а также основную литературу. Схемы статей являются типологически обоснованными и приложимы к языкам самых различных типов.

В перспективе нескольких ближайших лет готовятся к публикации тома, посвященные, главным образом, языкам Евразии. Статьи группируются в тома по генеалогическому принципу, а в тех случаях, когда это невозможно или неудобно, — по ареальному принципу. Ранее были опубликованы тома: «Уральские языки» (М.: Наука, 1993), «Тюркские языки» (Бишкек: Издательский дом Кыргызстан, 1997; М.: Индрик, 1997), «Палеоазиатские языки» (М.: Индрик, 1997), «Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык» (М.: Индрик, 1997), «Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки» (М.: Индрик, 1997), «Дардские и нуристанские языки» (М.: Индрик, 1999), «Кавказские языки» (М.: Academia, 1999), «Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Иранские языки. III. Восточноиранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Германские языки. Кельтские языки» (М.: Academia, 2000), «Романские языки» (М.: Academia, 2001), «Индоарийские языки древнего и среднего периодов» (М.: Academia, 2004), «Славянские языки» (М.: Academia, 2005), «Балтийские языки» (М.: Academia, 2006), «Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки» (М.: Academia, 2009).

Вслед за настоящим томом в первую очередь должны выйти следующие тома:

«Семитские языки. Арабский язык. Южноаравийские эпиграфические языки. Эфиосемитские языки. Современные южноаравийские языки»;

«Новые индоарийские языки»;

«Дравидийские языки»;

«Языки манде»;

«Реликтовые языки Европы»;

«Индоевропейские языки Передней и Центральной Азии»;
«Австроазиатские языки».

В порядке подготовки к публикации «Языков мира» ранее были изданы следующие коллективные монографии:

Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976.

Теоретические основы классификации языков. М.: Наука. Т. 1, 1980. Т. 2, 1982.

Языки и диалекты мира. М.: Наука, 1982.

Жури́нская М.А., Нови́ков А.И., Яросла́вцева Е.И. Энциклопедическое описание языков. Теоретические и прикладные аспекты. М.: Наука, 1986.

На формирование концепции «Языков мира» оказали влияние многие ученые, однако в первую очередь необходимо упомянуть вклад В.А. Виноградова, М.А. Жури́нской, В.П. Калы́гина, И.Ш. Козинского, А.А. Короле́ва, В.Я. Порхо́мовского и Я.Г. Тестельца, разработавших типовые схемы, лежащие в основе статей. Разумеется, создание томов «Языков мира» не было бы возможно без огромной творческой работы авторов, представляющих различные научные центры, города и страны, без труда редакторов и технических работников, обрабатывавших материалы томов на самых разных этапах. Всем, кто прямо или косвенно способствовал подготовке издания «Языки мира», редакционная коллегия выражает самую искреннюю признательность.

Редакционная коллегия тома и группа «Языки мира» благодарят Российский гуманитарный научный фонд за финансовую поддержку издания.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том многотомного энциклопедического издания «Языки мира», подготовленный в Институте языкознания РАН, посвящен древним реликтовым языкам Передней Азии, не входящим в крупные семьи этого региона — семитскую, индоевропейскую и картвельскую (и позже тюркскую). Описание реликтовых языков проводилось в соответствии с общими типологическими принципами, лежащими в основе издания «Языки мира». Четыре статьи тома, посвященные хорошо засвидетельствованным языкам, написаны по основной схеме II, предназначенной для подробного описания отдельных языков, три статьи о менее изученных касситском, хараппском и хаттском написаны по схеме IV, две статьи (вводная и «Хуррито-урартские языки») написаны по схеме I (типичные схемы статей см. в Приложении).

Том «Древние реликтовые языки Передней Азии» следует за рядом томов о языках Евразии, прежде всего индоевропейских (иранских, дардских, германских, кельтских, романских, древних индоарийских, славянских, балтийских), а также относящихся к другим языковым семьям или ареалам — уральских, алтайских, палеоазиатских, кавказских, семитских. Издание тома о реликтовых языках важно для многих областей языкознания, в том числе сравнительно-исторического языкознания, типологии, ареальной лингвистики. В отличие от большинства работ по реликтовым языкам Передней Азии, в данном издании предлагается широкий общелингвистический и типологический взгляд на древние языки региона. Авторы описаний реликтовых языков в данном томе стремились охватить спектр основных гипотез и мнений по поводу спорных вопросов в данной области языкознания, которых до сих пор остается немало.

Исходная концепция тома была сформирована под руководством В.П. Калыгина и Н.Н. Казанского. К нашему прискорбию, за годы, в течение которых готовились к публикации статьи тома, редакторский коллектив понес утраты — ушел из жизни Виктор Павлович Калыгин. Изначально в один том предполагалось включить все реликтовые (индоевропейские и неиндоевропейские) языки Средиземноморья и Передней Азии. В дальнейшем в процессе работы стало понятно, что из-за огромного объема материалов и разнообразия языков разумнее разделить этот проект как минимум на четыре выпуска, поделив описываемые языки по двум параметрам: с одной стороны — географическому (Европа — Азия), с другой — генеалогическому (индоевропейские — неиндоевропейские). Настоящее издание является первым из этих выпусков. В него было решено включить древние изолированные и до сих пор не до конца расшифрованные языки Передней Азии. В книге также рассматривается хараппский язык (язык Индской цивилизации), который, хотя и не находится непосредственно в Передней Азии, примыкает к ней географически и близок к другим языкам тома с хронологической точки зрения.

В редколлегию и авторский коллектив входят ученые из ряда научных центров России — Института лингвистических исследований РАН (Н.Н. Казанский), Института языкознания РАН (А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков), Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН (И.Т. Канева), Государственного Эрмитажа (Н.В. Козлова), Российского государственного гуманитарного университета (Е.Ю. Визирова, А.С. Касьян, Д.Д. Беляев, А.И. Давлетшин), а также из Армении (Институт востоковедения НАНА, М.Л. Хачикян) и Норвегии (Университет Тромсё, П.В. Иосад). Более подробные сведения об авторах см. в разделе «Авторский коллектив» в конце книги.

Типологическое редактирование материалов тома было выполнено Ю.Б. Коряковым. Большой объем редакторской работы был выполнен также А.А. Кибриком, Ю.В. Мазуровой, Н.В. Роговой и О.И. Романовой.

О языках, принадлежавших досемитскому и доиндоевропейскому населению Передней Азии, сохранилось не так много сведений, и данный том сравнительно невелик. Тем не менее, объем отдельных статей значителен. Это объясняется изначальной установкой максимально полно отразить на русском языке современный уровень знаний о реликтовых языках Передней Азии.

Редколлегия стремилась к унификации терминологии и системы понятий, используемых в томе. Технические решения, такие как способы передачи долготы гласных в транскрипции, были унифицированы, отчасти вопреки частным лингвистическим традициям. Однако унификация не всегда была возможна. Написанные разными авторами статьи носили значительные следы авторской индивидуальности, специфических исследовательских интересов и подходов, характерных для того или иного автора. Редколлегия приняла решение сохранить определенное варьирование, обусловленное индивидуальными авторскими предпочтениями. Практически все даты, упоминаемые в статьях тома, относятся ко времени до нашей эры, поэтому уточнение «до н. э.» опускается в тех случаях, когда оно избыточно.

Следует отдельно сказать о специфике написания примеров из языков с неалфавитной графикой. Почти все описываемые языки (кроме хараппского) известны в клинописной записи, которая являлась словесно-слоговой письменностью (см. статью «Клинопись» в конце тома). Тем не менее, по сложившейся традиции все примеры даются не в самой клинописи, а в том или ином виде транслитерации или транскрипции на основе латинского алфавита. Также, когда речь идет о конкретных знаках или графемах, указываемых знаками транскрипции, подразумеваются знаки клинописи. Про особенности записи разных типов примеров см. подробнее отдельные статьи, а также раздел в приложении, посвященный принятой нотации.

Разные языковые уровни отражены в статьях тома с разной степенью подробности. Гораздо менее детально, чем фонетика и морфология, описан синтаксис реликтовых языков. Это объясняется как недостаточной разработанностью синтаксической проблематики на древневосточном материале, так и острой нехваткой необходимых сведений о мертвых языках.

Редколлегия

И з д а н и я т е к с т о в с г л о с -
с а р и я м и

Арутюнян Н.В. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001.

Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. Ленинград, 1963.

Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

König F.W. Handbuch der chaldischen Inschriften. Teil I — Graz, 1955; Teil II — Graz, 1957.

Salvini M. Corpus dei testi urartei. Vol. I-III. Roma, 2008.

С о к р а щ е н и я н а з в а н и я и с -
т о ч н и к о в

КУКН — *Арутюнян Н.В.* Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001.

А.С. Касьян

ХАТТСКИЙ ЯЗЫК

1.0. Хаттский язык (Х.я.), устар. протохаттский, протохеттский, англ. *Hattic*, *Hattian*, нем. *Hattisch*.

Видимо, *hatt-* — самоназвание хаттов (так как хетты называли этот язык *hattili* ‘по-хаттски’), которое позднее было перенесено на анатолийские этносы и языки (ср. хетт. *KUR^{URU}hatti* ‘страна города Хатти’ и егип. *ḥt*’ по отношению к Хеттскому царству или более позднее библейское *ḥittī*).

2.0. Х.я. — мертвый бесписьменный язык, известный только по вторичным источникам, относящимся к XVII–XIII вв. до н. э. (здесь и далее все даты даются по «средней хронологии»), см. 4.0.

Был распространен на территории северной части центральной Анатолии (совр. Турция, районы севернее излучины р. Галис, совр. Кызылырмак) до прихода туда в XVII в. до н. э. хеттов; ареал распространения мог быть шире, но вряд ли сильно южнее Галиса (совр. Кызылырмак). Староассирийские хозяйственные тексты из торгового центра Каниш (совр. Кюль-Тепе) содержат некоторое количество антропонимов, допускающих хаттскую атрибуцию, но более поздние лувийские данные из южной Анатолии не показывают следов контакта с хаттами. Богатые захоронения в Аладжа-Хююке (вторая половина III тыс. до н. э.), видимо, требуют хаттской атрибуции.

Судьба этноса доподлинно не известна, но есть все основания считать, что хатты были не истреблены хеттами, а ассимилированы ими. Традиционно считается, что Х.я. вымер в древнехеттскую эпоху (около 1680–1500 гг. до н. э.), однако в документах хеттского архива находятся некоторые свидетельства того, что отдельные группы носителей Х.я. существовали и в новохеттское время. Хатты оказали исключительно большое влияние на хеттскую культуру древнехеттского периода (около 1680–1500 гг. до н. э.), в частности, почти весь культ оказался заимствованным у хаттов. Исследованию социолингвистической ситуации в Анатолии начала II тыс. до н.э. посвящена работа П. Гудегебюре (2008).

Вследствие малого количества памятников Х.я. очень плохо поддается изучению. Несмотря на то, что исследования ведутся уже около 100 лет, до сих пор невозможно произвести в той или иной степени полный анализ и дать перевод какому-либо хаттскому тексту, если он не билингвальный.

Современное состояние изучения Х.я. отражает в первую очередь работа О. Сойсала (2004), включающая в себя подробное исследование морфологии Х.я. с учетом новых текстов из Ортакея, конкорданс засвидетельствованных форм и практически полную библиографию по Х.я. Общий краткий очерк культуры и языка можно найти в работе Й. Клингера (2005). Важной вехой в изучении грамматики Х.я. явилась книга Х. Гирбала (1986). Монография Й. Клингера (1996) представляет собой объемное культурологическое исследование с публикацией текстов, снабженных филологическими и лингвистическими комментариями. Основные хаттско-хеттские билингов издали Х.З. Шустером (1974 и 2002) (к сожалению, в последней работе фактически не учтены достижения хаттского языкознания последних десятилетий). На русском языке имеются работы И.М. Дунаевской и И.М. Дьяконова (1979) и А. Камменхубер (1980), но они, к сожалению, существенно устарели.

3.0. Генеалогическая принадлежность Х.я. не установлена. Наиболее перспективным выглядит сопоставление с языками сино-кавказской макросемьи и постулированием отдельной хаттской ветви внутри этой макросемьи; причем, как показано у А.С. Касьяна (в печати), Х.я. проявляет специфическую близость скорее с енисейской и северо-кавказской ветвями, нежели с сино-тибетской. Ср. такие изоглоссы из стословного списка Сводеша, как хатт. *we* 'ты' — сев.-кавк. **iō* 'ты' — енис. **ʔaw* (*/*ʔu*) 'ты' — бурушаски **u-n* 'ты'; хатт. *ziš* 'гора' — енис. **čiʔs* 'камень' — бурушаски **čhiš* 'гора'; хатт. *kap* 'луна' — енис. **q[e]p/χ[e]p* 'луна', хат. *alef* 'язык (орган)' — енис. **ʔalVp* 'язык (орган)' и т. д.

Традиционно же определенная типологическая схожесть Х.я. с языками западно-кавказской (абхазо-адыгской) группы провоцирует исследователей на поиски западно-кавказских этимонов для хаттских морфем. Некоторые ученые оперируют почти сотней хаттско-западно-кавказских изоглосс (ср., в особенности, работы Вяч. Вс. Иванова). Предлагаемые хаттские этимологии разбиваются на две группы (западно-кавказские формы приводятся по словарю *Nikolaev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological Dictionary. M., 1994*):

1. Служебные морфемы, обычно двух- или даже однофонеменные. Фонетические соответствия в этих случаях тривиальны. Два наиболее ярких примера: хатт. *le-* (притяж. мест. 3 л. ед. ч., возможно м. р.) — абхазо-абазинское **l-* (притяж. 3 л. ед. ч. ж. р.); хатт. *ta-* (глагольный показатель места/траектории) — абхазо-абазинское и адыгское **tV-* 'в; над' (преверб).

2. Корневые сравнения. В сопоставлениях этой группы фонетические соответствия не являются тривиальными (самоочевидными), а регулярность их пока не может быть подтверждена ввиду скудости материала. Ср. предлагаемые этимологии: хатт. *hun* 'большой' — зап.-кавк. **čʷəχʷa* 'большой, сильный'; хатт. *fael* 'дом' — зап.-кавк. **čʷəna* 'дом'; хатт. *zuwa-tu* 'жена' — зап.-кавк. **sʷə(mə)çV* 'женщина'. В целом этимологизация хаттской лексики на западно-кавказском материале не представляется продуктивной даже теоретически ввиду принципиально разной структуры корня: преимущественно CVC в Х.я. и CV в западно-кавказском праязыке.

Следует также иметь в виду, что в связи с введением в научный оборот новых хаттских текстов, интерпретация лингвистами той или иной хаттской морфемы

может меняться (иногда очень существенно), таким образом, значительное количество предложенных ранее сопоставлений сегодня необходимо отбросить.

Альтернативное сопоставление Х.я. с картвельскими не выдерживает критики.

4.0. Х.я. дошел до нас только на глиняных клинописных табличках, относящихся к XVII–XIII вв. до н. э. и написанных, видимо, не носителями хаттского языка, а хеттскими или лувийскими писцами. Основная часть памятников происходит из архива хеттской столицы Хаттусы (совр. Богазкёй), почти все эти документы (около 500 единиц) опубликованы; в конце 1980-х гг. был обнаружен хеттско-хурритский культовый центр Сапинува (совр. Ортакёй), где наряду с хеттскими и хурритскими текстами обнаружили и таблички по-хаттски (около 45 единиц; основная часть этого корпуса только готовится к публикации).

В каталоге Э. Лароша (1971) собственно хаттские тексты занимают диапазон СТН 725–745, причем большинство текстов известно сейчас в нескольких копиях и (или) вариантах; ряд кратких хаттских пассажей (обычно прямая речь жреца) содержится в хеттских текстах, относящихся к другим номерам по Ларошу. Как и остальные части архивов Хаттусы и Сапинувы, эти таблички обнаружены поврежденными, т. е. все известные нам документы Х.я. фрагментарны.

Практически все тексты на Х.я. — это описания ритуалов и религиозных праздников (или же только рецитации внутри описаний ритуальных действий, составленных на хеттском), молитвы и мифы. Несколько десятков хаттских заимствований проникло в хеттский язык (в основном это терминология, связанная с отправлением культа и институтом царской власти, а также, что важно, слово *hapalki* ‘железо’).

В числе дошедших до нас текстов есть ряд хаттско-хеттских билингв, благодаря которым только и возможно составить определенное представление о Х.я.

Палеографически хаттские тексты или хеттские тексты, содержащие хаттские пассажи, относятся ко всем датировочным периодам, начиная с древнехеттского времени до новохеттской империи (XVII–XIII вв. до н. э.). Большая часть табличек написана новохеттским дуктусом, и неясно, нужно ли считать, что всё это позднейшие копии оригиналов, относящихся к древнейшему периоду хеттской письменности, или же предполагать продолжение хаттской письменной традиции и в новохеттское время.

Если для древнехеттского периода предполагается, что хаттские тексты были понятны писцам, которые их записывали, то для позднейшего времени можно признать, что многие из хеттских писцов уже не владели хаттским (этот факт объясняется сменой общего культа под хурритским влиянием в среднехеттский период). Часто исследователи вынуждены считать, что текст был скопирован механически и с искажениями (иногда сам писец в колофоне упоминает об изменении исходного текста), что серьезно усложняет задачу исследователя и открывает возможность определенному научному произволу.

В настоящее время удастся постулировать уже порядка 300 хаттских лексем (или корней), но только менее чем у 200 из них устанавливается хотя бы примерное значение. Далеко не для всех засвидетельствованных форм мы можем предложить хоть какой-нибудь морфологический анализ.

Для хаттских текстов использовался тот же тип клинописи и те же принципы и приемы письма, что и для хеттских документов (см. статью «Клинопись» в наст. издании). Как и в хеттском, фонетические слова (тактовые группы) разделялись

проблемами; только на основании этого графического эффекта возможно говорить о клитиках.

Кроме стандартного хеттского набора знаков для записи хаттских текстов в клинописный инвентарь были введены специальные лигатуры с маленькими подписными знаками: WA_A, WE_E, WI_I, WU_U, WU_Ú, PU_U, WI_P, WU_{PU} (т. е. /f/ с последующим гласным).

В данной статье формы приводятся в «стянутой» транслитерации, а знак дефиса обозначает морфемную границу (в 5.1.0. встречается познаковая транслитерация, где дефис разделяет клинописные знаки).

О системе письма см. также 5.1.0.

5.0.0. Лингвистическая характеристика.

5.1.0. Фонологические сведения.

Г л а с н ы е

i		u
e(?)		
	a	

Существовала ли фонема /e/ или знаки серий I и E были графическими вариантами, — не ясно. Если в Х.я. и была фонема /e/, то графически она обозначалась непоследовательно (ср. многочисленные случаи чередований серий I и E в одних и тех же морфемах). В приводимых формах *e* и *i* могут взаимозаменяться (например, морфема *ti* — то же самое, что морфема *te*).

Предположение о наличии фонемы /o/ (знак U, противопоставленный знаку Ú, передающему /u/) пока не находит никаких подкреплений.

Неясно, можно ли объединить *u* и *w* в одну фонему, то же соображение относится к паре *i* и *j*.

Известны следующие сочетания гласных: *ai/ae, ui/ue, au, eu/iu*; например, *ka-ne-e-un* ‘?’, *ša-i-il* ‘господин(?)’. Неясно, дифтонги ли это на *-u* и *-i*, бифонемные сочетания или же двуслоговые последовательности с глайдом ([aji, awu...]).

Сочетания вида *Cua, Cui/Cue, Cia* (*ku-a-at* от *ku* ‘хватать’, *du-e-it* ‘?’, *li-ja-li-ip* и *li-a-li-ip* от *alif* ‘язык’) можно трактовать как /wa, wi, ja/ или как /uwa, uwi, ija/.

Минимальная система к о н с о н а н т и з м а, которую можно постулировать для Х.я., следующая:

С о г л а с н ы е

По способу образования		По месту образования			
		Губные	Переднеязычные	Палатальные	Гуттуральные
Шумные	Взрывные	p	t		k
	Аффрикаты		ts	č	
	Фрикативные	f	s, š(?)		h
Сонорные	Носовые	m	n		
	Боковые		l		
	Дрожащие		r		
	Полугласные	w		j	

Число согласных фонем могло быть (и даже скорее всего было) большим, а отсутствие графических указаний на это связано как с общим несовершенством используемого типа клинописи, так и со сложностью адаптации хеттской орфографической системы к фонетике Х.я., возможно, принципиально отличавшейся от фонетики хеттского языка.

Для взрывных употреблялись знаки обеих старовавилонских серий: VA и PA, TU и DU, KI и GI и т. д., причем без какого-либо видимого распределения внутри пар, что совпадает с хеттским узусом. Таким образом, считается, что использование звонкой и глухой серий — графический феномен, не отражающий фонетику (как и в случае хеттского языка), ср. форму *ka-a-ar-ka-ra-a-at* ~ *kar-ga-ra-aš*, от корня *karkar* ‘скоблить’.

В интервокальной позиции встречаются написания с удвоенными смычными типа *at-ta*, противопоставленные написаниям с одиночным смычным типа *a-ta*. В хеттском этим приемом в интервокальной позиции последовательно различались две серии смычных (условно: глухая и звонкая); не до конца ясно, можно ли проецировать подобный прием на Х.я., так как, в отличие от хеттского, в хаттских текстах удвоенные написания более редки и как будто более непоследовательны, т. е. часто чередуются с одиночными написаниями в одних и тех же морфемах. Ср. форму *ta-aš-ši-e-ga-ra-a-am* ~ *ta-aš-ši-ig-ga-ra-a-am*, от корня *karam*, сорт вина.

Вероятно, Х.я. действительно различал несколько серий смычных, но, возможно, фонетически и фонологически это противопоставление было иным, чем в хеттском, и хеттские писцы зачастую затруднялись перенести орфографический прием удвоения согласных на хаттские тексты. Ниже в примерах могут употребляться знаки для звонких согласных (*b*, *d*, *g*), что отражает клинописный узус и не имеет отношения к фонетико-фонологической транскрипции.

Фрикативные, аффрикаты. Лигатуры с маленькими подписными знаками (WA_A , WE_E , WI_I , WU_U , $WU_{\dot{U}}$, PU_U , WI_{PI} , WU_{PU}) встречаются уже в древнейших (древнехеттских) копиях хаттских (и палайских) текстов и, видимо, были придуманы специально для Х.я. Эти знаки, с одной стороны, противопоставляются знакам WA и U , \dot{U} , которые в интервокале выражали /w/ (хотя есть некоторое количество примеров, где вместо ожидаемой лигатуры WA_A зафиксировано простое WA), с другой стороны, в одних и тех же морфемах часто чередуются со знаками серии P (PA , PI , PU). Наиболее естественное решение — считать, что лигатуры WA_A и подобные были изобретены для передачи /f/ (фонемы, отсутствовавшей в хеттском, аккадском и шумерском), но употреблялись непоследовательно, конкурируя с более привычными знаками серии P, ср. форму *ha-pi-pu-na-a-an* ~ *ha-wi-wu-na-a-an*, от *fun(a)* ‘человечество’. В примерах по возможности используется интерпретационное *f*, но иногда сохраняется клинописная транскрипция с wa_a , we_e ... или *p*.

Было ли фонетико-фонологическое противопоставление между /s/ и /š/ — не ясно. В фонетических написаниях встречаются знаки и серии S, и серии Š, в то время как в хеттских текстах — практически только знаки серии Š, а серия S (наряду с Š) использовалась для шумерских и аккадских слов. Этот факт расширения инвентаря фонетических знаков как будто должен говорить о том, что Х.я. имел два сибиланта, а не один, как хеттский, однако употребление знаков серии S, с одной стороны, все-таки редко, а с другой стороны, те же морфемы часто за-

свидетельствованы и со знаками серии Š; ср. *še-e-it* — *se-e-it* ‘госпожа’, *ha-a-ši-mu-ú-i-li* — *ha-a-si-mu-ú-i-li*, ‘?’. Окончательного ответа на вопрос, сколько шипяще-свистящих было в Х.я., пока дать нельзя (см. также сведения о дополнительных согласных далее в настоящем разделе).

Необходимо иметь в виду следующие сложности традиционной нотации: знаки серии Š в хеттском обозначали единственный сибилант, т. е. /s/, и это же фонетическое значение серии Š необходимо предполагать для Х.я. Если серия S выражала отдельную фонему, то типологически естественно считать, что это /š/. Серия Z передавала в хеттском аффрикату /ts/, и это же постулируется в Х.я. В статье используются знаки в соответствии с клинописной транслитерацией, т. е. š для /s/, s для /š?/, z для /ts/.

Характеристики гуттурального спиранта, который в данной статье условно обозначается буквой *h*, неясны. Он обозначался клинописными знаками серии H (ради простоты вместо *ḥ* можно записывать *h*, что и принято в настоящей статье), которые в хеттском передавали велярный/увулярный спирант и аналогичным образом в аккадском обозначали звук, восходящий к прасемитскому глухому увулярному спиранту /χ/.

Дополнительные согласные. На основании графических вариаций внутри одних и тех же морфем или же различных адаптаций заимствований некоторые ученые предлагают постулировать дополнительные консонантные фонемы: ср. чередование знаков серий Š и T, что может отражать особую аффрикату (или межзубный), или чередование серий L и N и т. п. Некоторые из таких вариаций достаточно редки и двусмысленны, но свободное чередование *š* : *t* для определенных морфем фиксируется, по-видимому, достаточно надежно; ср. ^D*ša-a-ru-u-un* : ^D*ta-a-ru-u-un* ‘<бог> Тару’, притяжательное местоимение 3 лица единственного числа *te-* / *še-*. Графическое чередование *t* : *š* отражено в таблице консонантизма как /č/.

Единственным указанием на пр о с о д и ю гласных могут служить написания с дополнительным гласным знаком: *pa-la-a* ‘и’. Эти так называемые написания *plene*, во-первых, факультативны, во-вторых, встречаются довольно часто. Фонетическое (или графическое) значение *plene* в Х.я. не установлено. Для хеттского есть основания считать, что при помощи *plene* факультативно обозначались гласные в старых ударных слогах, но для Х.я. эту интерпретацию нельзя признать удовлетворительной, так как есть много примеров написание *plene* сразу в нескольких слогах одной тактовой группы (например, *li-e-wu₁-u-ur*, от *fur* ‘страна’). Возможно, хаттские гласные противопоставлялись по долготе, что и отмечалось иконически при помощи дополнительного гласного. Другое решение — считать, что при переписывании табличек под диктовку чтец для ясности растягивал гласные в словах плохо известного ему языка, и писец фиксировал это в виде удвоения.

5.1.1. В данном разделе рассматриваются фонетические слова (тактовые группы), т. е. последовательность знаков от пробела до пробела безотносительно того, как интерпретируются те или иные морфемы — как аффиксы или как клитики.

В анлауте возможны структуры #V- или #CV-, в ауслауте -V# или -VC#. Необходимо иметь в виду, что клинопись не позволяет напрямую выразить консо-

нантные кластеры в позиции рядом с пробелом, таким образом возможно, что в Х.я. допускались начальные и конечные консонантные кластеры, но выявить какие-либо орфографические приемы для их передачи (как в хеттском) пока нельзя.

В инлауте возможны самые разнообразные кластеры -СС- (взрывной + взрывной, *h* + шумный, шумный + *h*, шумный + сибилант, сибилант + шумный, согласный + *j* или *w*, носовой + шумный, шумный + носовой, плавный + любой согласный, любой согласный + плавный и т. д.). Не исключено, что некоторые из этих графических кластеров передают самостоятельные фонемы, для которых не было отдельных знаков. Также возможны консонантные геминаты (передающиеся графически удвоенным согласным), которые получаются при морфемосложении. Правила ассимиляции (и диссимиляции?) носового последующему согласному нуждаются в дополнительном исследовании.

Напрямую передать инлаутные кластеры -ССС- в клинописи нельзя, но на такие кластеры могут указывать так называемые ломаные написания: [...]*x-ah-aš-ki-in* '?' — фонетически [-hsk-]? Впрочем, ломаных написаний отмечено мало, и их можно считать ошибками (пропуск знака).

Фонема /*t*/ не встречается в начале морфем (и, соответственно не встречается в анлауте тактовой группы).

О гласных кластерах см. 5.1.0.

5.1.2. Выделить какие-либо регулярные чередования в Х.я. не представляется возможным.

5.2.0. Морфологические сведения.

5.2.1. Х.я. — агглютинативный. Это означает, что: 1) для одной служебной морфемы обычно характерно только одно грамматическое значение; 2) на стыке морфем фузия редка и, видимо, регулируется общими правилами фонотактики (например, ассимиляция носовых по месту образования).

Х.я. — синтетический с элементами полисинтетизма.

Строй Х.я. традиционно интерпретируется как номинативно-аккузативный (см. 5.3.1).

Для Х.я. в большей степени характерны префиксы, а не суффиксы. (В данной статье под префиксами понимаются аффиксы, располагающиеся до корня, а под суффиксами — аффиксы, располагающиеся после корня, безотносительно к их словообразовательному/словоизменительному статусу.) Для многих морфем по имеющемуся материалу затруднительно сказать, аффиксы это или же скорее клитики.

5.2.2. Можно выделить четыре грамматических класса: глаголы, имена, местоимения и так называемые «неизменяемые». В класс имен попадают существительные и прилагательные. В неизменяемые — союзы, наречия и т. п. Один и тот же корень (или одна и та же основа), в принципе, может быть как глаголом, так и именем, т. е. словоформы будут отличаться только словоизменительными аффиксами или служебными клитиками.

Глагольные основы в общем случае односложны, а основы имен часто многосложны. Вероятно, такие именные основы исконно представляют собой сложение нескольких морфем, но морфологический анализ в большинстве подобных случаев пока невозможен. Корни могут оканчиваться как на согласный, так и на гласный, а начинаются обычно на согласный.

На сегодняшний день в Х.я. удается комбинаторно вычленить большое число служебных морфем, но о семантике или функциях некоторых из них пока нельзя выдвинуть никаких предположений. Значительная часть таких «темных» морфем в данной статье не упомянута.

Нужно подчеркнуть, что морфология Х.я. отличается сложностью и, по всей видимости, типологической нетривиальностью, поэтому по причине скудости материала изучена крайне плохо; любое грамматическое описание Х.я. носит предварительный характер. В данной статье в изложении морфологии Х.я. автор почти во всем следует интерпретациям, принятым в грамматике О. Соисала.

И м я (существительное, прилагательное). Формальной разницы в словообразовательных или словоизменительных морфемах между существительными и прилагательными в Х.я., по-видимому, нет.

Выделяются грамматические категории: число, падеж.

Формально категория р о д а, видимо, отсутствует, но у существительных наличествуют суффикс *-l*, характерный для названий лиц мужского пола (^{LU}*luizzi-l* ‘гонец’, *fa-zare-l* ‘люди; человечество’, где *fa-* — показатель множественного числа), и суффикс *-t(u)* — для названий лиц женского пола (примеров мало: *zuwa-tu* ‘жена’, *nimhu-t(u)* ‘женщина’); но при этом совершенно не все одушевленные существительные имеют показатель *-l* или *-t(u)*, а с другой стороны, *-l* и *-t*, возможно, вычлениаются у ряда неодушевленных основ (*ištarazil* ‘земля’, *kurkupal* ‘гвоздь’, *šafat* ‘яблоня’, *zilat* ‘сиденье’). Эти суффиксы занимают место перед словоизменительными суффиксами. Важно, что в каких-то случаях *-l* и *-t* могут дублироваться в прилагательном, стоящем при существительном; к сожалению, материала здесь слишком мало. О возможном выражении рода в притяжательном местоимении 3 лица единственного числа см. в описании местоимений в наст. разделе.

Общая схема фонетического слова,
образуемого именной основой

–5	–4	–3	–2	–1	0	1	2
частица	(?)	предлоги	притяж. мест.	число	корень/основа	падеж	частицы
<i>malfa</i>	<i>a, i</i>	<i>fe, ha, ka, zi</i>	<i>u</i> <i>le, šel/te</i> <i>ai?</i> <i>up (uf?)</i> <i>if(a)</i>	<i>falfi</i> <i>aš/iš</i>	R	<i>šu/tu</i> <i>n</i> <i>i</i>	

Числа обозначают позицию слота относительно корня.

Союзная частица *ma-* ‘и/же(?)’ (слот –5) и различные энклитические частицы из слота 2 (например, *-hu-*, показатель начала прямой речи) не относятся к системе имени. О местоименных(?) морфемах из слота –4 см. в описании местоимений в наст. разделе. О предлогах (слот –3) см. описании системы падежей ниже в наст. разделе. Предлоги могут комбинироваться друг с другом, но для формального разделения их на группы (т. е. слоты; ср. слоты –4, –3, –2 в глаголе) пока недостаточно материала. О притяжательных местоимениях (слот –2) см. в описании местоимений в наст. разделе. Есть примеры, в которых предлог (слот –3) стоит после притяжательного местоимения (слот –2).

Ч и с л о (слот –1). В Х.я. два числа: единственное и множественное. Единственное число никак не маркировано. Есть редкие случаи с префиксами *a-* или *i-* (слот –4), которые скорее являются местоименными морфемами, а не маркерами единственного числа; к тому же в некоторых примерах можно предполагать комбинацию *a-/i-* с показателем множественного числа *fa-/fi-*.

Множественное число выражается префиксом *fa-/fi-* в номинативе и в косвенных падежах и, видимо, префиксом *aš-/iš-* в аккузативе (под аккузативом понимается падеж объекта переходного глагола). Распределение между вариантами с *a* и *i* неизвестно, ср.: ном. *fa-pizil* и *fi-pizil* ‘ветры’, акк. *aš-fur* и *eš-fur* ‘страны’.

Есть примеры, где семантическое множественное число никак не выражено. Возможно, что показатель множественности регулярно не используется, когда к имени присоединено притяжательное местоимение во множественном числе (т. е. при множественных посессорах): *ip-ha-kiš* ‘их головам’ (притяжательное местоимение 3 лица множественного числа + предлог + ‘голова’).

П а д е ж (слот 1). Традиционно именные локативные проклитики (слот –3) рассматриваются как падежные показатели (А. Камменхубер, отчасти О. Сойсал и др.). Однако более удачным, видимо, было бы считать эти проклитики не префиксами, а клитическими предлогами (как предлагает И.М. Дунаевская).

Это позволяет постулировать для Х.я. систему из четырех падежей.

Система из четырех падежей

Падеж	Ед. число	Мн. число
Номинатив	- \emptyset	<i>fa-/fi-...-\emptyset</i>
Аккузатив	- \emptyset , - <i>šul-tu</i>	<i>aš-/iš-...-\emptyset</i> , <i>aš-/iš-...-šul-tu</i>
Генитив	- <i>n</i>	<i>fa-/fi-...-n</i>
Локатив	- <i>i</i>	<i>fa-/fi-...-i</i>

Дативное (в широком смысле) значение выражается генитивом с предлогами (слот –3) *pe-*, *ha-*, *ka-*; известны примеры, где предлог опущен и наличествует только суффикс *-n*, что дает возможность называть *-n* падежным показателем генитива-датива. Аблативное значение выражается аккузативом с предлогами *ka-* или *zi-*. При локативе отмечены предлоги *ha-*, *ka-*.

По-видимому, предлоги не употребляются, если эта же семантика выражена внутри глагольной словоформы специальными префиксами (которые этимологически совпадают с предлогами); когда семантика места и (или) траектории выражается предлогом при имени, а когда — префиксом глагола, не ясно.

Согласно О. Сойсалу условно выделяются следующие падежи: номинатив, аккузатив, генитив, датив, локатив и аблатив; при этом он рассматривает *-šul-tu* и *-n* как показатели «косвенного падежа», а предлоги называет (локативными) префиксами.

Номинатив обычно никак не выражен.

Аккузатив — суффикс *-šul-tu* (свободное графическое чередование *š ~ t*, видимо, имеет фонетическую природу, см. 5.1.0.). Возможно, суффикс *-šul-tu* характеризовал существительные, а прилагательные присоединяли вариант *-š/-t*, но материала, который позволил бы сделать определенные выводы, слишком мало; ср. *ure-š huzzaššai-šu* ‘могучего кузнеца’ (‘могучий’ + *-š/-t* ‘кузнец’ + *-šul-tu*). В очень

многих случаях (в большинстве случаев?) показатель аккузатива отсутствует, это явление требует дополнительного изучения (ср. 5.3.1.).

Генитив выражается суффиксом *-n* (с вариантами *-an*, *-in*, *-un*): *zari-un* ‘человека’ (‘человек’ + *-un*). В ряде примеров *-n* отсутствует.

«Датив». Под этим ярлыком объединяются предлоги *fe-/fi-* (*pe-/pi-*, *we_e-*), *ha-*, *ka-*, которые употребляются вместе с суффиксом *-n*. Суффикс *-n*, однако, может часто отсутствовать, т. е. в случаях, когда предлога при имени нет (а семантика места и (или) траектории выражена в глаголе), этот падеж оказывается никак не оформленным. Есть примеры, где выступают сразу два из перечисленных предлогов. Как уже было сказано выше, есть и примеры, где, напротив, отсутствует предлог при имени, оформленным суффиксом *-n*. Примеры: *ha-pi-puna-n* ‘человечеству’ (предлог + предлог + ‘человечество’ + *-n*), *pe-fil* ‘в дом’ (предлог + ‘дом’), *ha-le-kiš* ‘его голове’ (предлог + притяжательное местоимение 3 лица единственного числа + ‘голова’), *ka-taru* ‘<божеству> Тару’ (предлог + ‘Тару’), *tabarna-n* ‘<царю> Табарне’ (‘Табарна’ + *-n*).

К локативу относят случаи комбинации предлогов *ha-* или *ka-* с суффиксом *-i*: *ha-fa-šhaf-i* ‘среди богов’ (предлог + множественное число + ‘бог’ + *-i*). Как и в случае с «дативом», есть примеры, когда этот падеж морфологически никак не выражен.

На «аблатив» примеров меньше. Это падежное значение передается комбинацией предлогов *ka-* или *zi-* с суффиксом *-šul-tu*: *ka-jah-šul/ka-jah-tu* и *zi-jah-šul/zi-jah-tu* ‘с неба’ (предлог + ‘небо’ + *-tu/-šu*).

Выделяются личные и притяжательные местоимения трех лиц и двух чисел посессора.

Местоимения

Число	Лицо	Личные	Притяжательные
Ед. ч.	1 л.	?	?
	2 л.	<i>we</i>	<i>u-</i>
	3 л.	<i>le-?</i> , <i>te-?</i>	<i>le-</i> , <i>še-/te-</i>
Мн. ч.	1 л.	?	<i>ai-?</i>
	2 л.	?	<i>up-</i> (= <i>uf-?</i>)
	3 л.	<i>te-...-p?</i>	<i>ip-</i> (= <i>if-</i>), <i>ifa-</i>

Из личных местоимений относительно надежно фиксируется только полноударная форма 2 лица единственного числа *we* (при предикате в форме императива).

Примеры на притяжательные местоимения:

— *u-fa-zar* ‘твои овцы’ (притяжательное местоимение + множественное число + ‘овца’);

— возможно, форма 3 лица единственного числа притяжательного местоимения *le-* употреблялась в случае одушевленных посессоров мужского пола, а *še-/te-* — одушевленных посессоров женского пола и неодушевленных посессоров (однако есть и контрпримеры такому распределению): *le-fur* ‘его (= царя) страна’, *le-eš-terah* ‘его покровы’ (притяжательное местоимение + винительный падеж множественного числа + ‘покров’), *te-pin* ‘ее (= богини) сын’, *še-alep* ‘ее (= богини) слово’, *te-šhap* ‘ее (= столицы) божество’, *te-fa-katti* ‘ее (= страны) цари’

(притяжательное местоимение + множественное число + 'царь'), но также и *te-pin* 'его (= человека, мужчины) сын' (= 'смертный'). Чередование *t ~ š* в *še-/te-*, видимо, графическое (передача особого согласного);

— *up-ha-pulupta*[-n] 'вашим хлебом' (притяжательное местоимение + предлог + 'хлеб' [+ родительный падеж]; множественное число не выражено, но в местоимении выражена множественность посессоров);

— *ip-ha-kiš* 'их головам' (притяжательное местоимение + предлог + 'голова'; множественное число не выражено, но в местоимении выражена множественность посессоров).

Есть редкие случаи приименных проклитических морфем *a-* и *i-* (слот –4 в таблице). Возможно, это дейктические местоимения (*a-* 'этот', *i-* 'тот?').

О так называемых «глагольных» местоимениях (*fa-*, *u-/un-*, *ai-/e-/i-*, \emptyset -/*a-*) см. описание слота –7 глагольной словоформы далее в наст. разделе.

Глагольная морфология значительно менее ясна, чем морфология остальных частей речи. Это связано не только с тем, что хаттская глагольная система сложнее именной, но и с тем фактом, что глагольных словоформ из текстов известно меньше, чем именных или местоименных.

Видимо, можно говорить о формально выраженных граммемах:

— трех лиц и двух чисел субъекта;

— транзитивности (или даже граммемах числа прямого объекта);

— косвенного рефлексива(?) или интенсива(?);

— императива, опатива и прохибитива;

— также о неясных аспектуально-временных граммемах и о показателях места и (или) траектории.

Допустимо считать, что ряд перечисленных граммем выражается клитическими частицами, а не аффиксами.

Представить эксплицитный анализ грамматических категорий глагола не представляется возможным. Ниже приводится общая схема фонетического слова, ядром которого является глагольная словоформа, с комментариями. (Далее под индикативом понимается форма без примет императива, опатива или прохибитива.)

Общая схема фонетического слова

–9 отрицание	–8 «опатив»	–7 субъект	–6 «рефлексив»?	–5 прямой объект	–4 место	–3 место	–2 место	–1 ?	0 корень	1 время/ вид/ наклонение	2 частицы
<i>taš/</i> <i>šaš/</i> <i>teš/</i> <i>šeš</i>	<i>talte</i>	<i>fa</i> <i>u, un</i> <i>a?</i> <i>ai, e, i</i>	<i>tu/šu</i>	<i>h, k, m,</i> <i>n p, š,</i> <i>t, w(a),</i> <i>wa_a</i>	<i>ta, za,</i> <i>še, te,</i> <i>tu</i>	<i>h(a),</i> <i>haš,</i> <i>kaš,</i> <i>zaš?,</i> <i>pi, wa</i>	<i>k(a),</i> <i>zi</i>	<i>f(a)</i>	R	<i>u</i> <i>e</i> <i>a</i>	<i>ma, fa,</i> <i>pi</i> (= <i>fi?</i>), <i>aš/at</i>

Слот –9: *taš/šaš/teš/šeš* — проклитика отрицания «не». Чередование *t ~ š*, видимо, графическое (передача особого согласного). Природа вокалического варьирования *a ~ e* неясна.

Используется ли эта морфема отрицания еще где-либо, кроме форм прохибитива (см. описание системы наклонений далее в данном разделе), — неясно.

Слот –8: вокалическое варьирование $a \sim e$ неясно. Морфема ta/te употребляется как будто только с формами императива (суффикс $-a$, слот 1), образуя оптатив (а комбинация $ta\check{s}-ta-...-a$ — прохибитив), см. описание системы наклонений далее в данном разделе. Формально $ta/te/tu$ можно считать частицей, а не префиксом (ср. морфемы из слота –7).

Слот –7: показатели лица и числа субъекта.

Показатели лица и числа субъекта

Лицо	Ед. число	Мн. число
1 л.	$fa-$	$ai-, e-, i-$
2 л.	$u-, ut-$?
3 л.	$\emptyset-$ (или $a-$)	

Неясно, как толковать эти морфемы: как словоизменятельные префиксы лица в глаголе или как проклитические личные местоимения. Если выделять морфему $a-$ (показатель 3 лица единственного и множественного числа), то необходимо считать их аффиксами лица, так как это $a-$ присутствует и во фразах с неэксплицированным субъектом, и во фразах с субъектом, выраженным отдельной словоформой.

С другой стороны, $a-$ отсутствует в достаточно многочисленных формах с косвеннообъектным рефлексивом(?) $tu/\check{s}u$ (слот –6) и в непереходных формах — т. е. там, где следом не стоит какая-либо морфема из слота –5 (показатели прямого объекта). Это заставляет предположить, что $a-$ следует рассматривать как инициальную часть морфем из слота –5, которая проявляется в форме 3 лица и пропадает (в результате вокалических сандхи?) в остальных лицах. Таким образом, 3-е лицо оказывается формально немаркированным. Тогда морфемы из слота –7 можно описывать и как проклитические личные местоимения, находящиеся на пути к грамматикализации.

Этимологически обсуждаемые морфемы (кроме показателя 3 лица) совпадают с известными личными и притяжательными местоимениями.

Слот –6: чередование t/\check{s} , видимо, графическое (передача особого согласного). Семантика неясна. Возможно, это косвеннообъектный рефлексив «для себя» или интенсив. Неясно, насколько регулярно при этой морфеме употребление объектного показателя (слот –5).

Слот –5: скорее всего, это показатели прямого объекта при переходном глаголе (причем употребляющиеся не только в местоименной функции, т. е. не только в тех фразах, где прямой объект не выражен самостоятельным словом, но и во фразах с эксплицированным прямым объектом).

Показатели h, k, m, n употребляются, судя по всему, в случае прямого объекта, стоящего в единственном числе, а показатели $p, \check{s}, t, w(a), wa_a$ характеризуют прямой объект, стоящий во множественном числе. Весьма вероятно, что по крайней мере для единственного числа приведенные варианты могут сводиться к одной морфеме $n-$, где $[n]$ ассимилируется последующему согласному. Во множественном же числе упомянутые $p, w(a)$ и wa_a , возможно, следует трактовать как единый алломорф $f(a)$.

Вероятно также, что эти морфемы и алломорфы следует записывать как $(a)h, (a)k, (a)m, (a)n, (a)f(a), (a)\check{s}, (a)t$ — см. о показателе субъекта 3 лица (слот –7).

В ряде фиксации ожидаемый показатель прямого объекта отсутствует, что остается без объяснения.

Слоты -4, -3, -2: видимо, это аффиксы с семантикой места и (или) траектории (об их возможном дополнительном распределении с именными предлогами внутри одной фразы см. описание системы падежей в наст. разделе).

Формы из слота -4 (*ta, za, še, te, tu*), вероятно, значат 'в, внутрь'; их можно пытаться свести к одной морфеме, при записи которой графические консонантные вариации передают особый согласный, а вокалические колебания остаются неясными.

Формы из слота -3 (*h(a), haš, kaš, zaš?, pi, wa*), вероятно, выражали значение движения «к» или «пере-»; вариант *zaš* может быть графической ошибкой вместо *haš*.

Формы из слота -2 означают приблизительно *k(a)* 'на, сверху' и *zi* 'под, внизу'.

Часть морфем из слотов -4, -3, -2 имеют те же этимологические источники, что и предлоги *ha-*, *ka-*, *zi-* при именах (см. описание системы падежей в наст. разделе).

Слот -1: морфема с неясным значением, возможно, аффикс места и (или) траектории.

Слот 0: глагольный корень (обычно имеет вид CVC или CV).

Слот 1: суффиксы (или энклитики?), значение которых неясно. Часто их интерпретируют как показатели времени, причем считается, что - \emptyset — показатель прошлого, -*u* — настоящего, -*e* — будущего времени.

Такая интерпретация представляется маловероятной. Во-первых, системы с формально немаркированным прошедшим временем, противопоставленным маркированному настоящему (и будущему), — типологическая редкость. Во-вторых, в билингвах находится достаточно примеров, где хеттскому настоящему соответствует в Х.я. словоформа с нулевым показателем.

Видимо, - \emptyset , -*u*, -*e* в этой позиции действительно являются аспектуально-временными показателями (так как других формальных кандидатов для грамем этого типа в Х.я. пока не обнаружено), но семантика их отличается от представленного в хеттском противопоставления настоящее vs. прошедшее (в основном, временного) и пока не может быть установлена.

Суффикс -*a* — показатель императива; в сочетании с другими морфемами образует оптатив и прохитив (см. описание системы наклонений в наст. разделе).

Слот 2: энклитические частицы, не входящие в грамматическую систему глагола. Частицы *fa* и *pi* (= *fi*?) со значением «и» обычно используются для связи между предложениями; в некоторых случаях им свойственна противительная семантика «но, же». Значения частиц *ma*, *aš/at* неясны. О частицах см. также описание неизменяемых частей речи в наст. разделе.

Переходность / непереходность. В научной литературе хаттские глаголы иногда делятся на переходные (наиболее многочисленная группа), переходно-непереходные, непереходные (глаголов этой группы известно меньше, чем глаголов двух других групп).

Под переходными (транзитивными) понимаются глаголы соответствующей семантики, в индикативных словоформах которых присутствует показатель прямого объекта, точнее, вероятно, согласователь по числу с прямым объектом (слот -5). Примеры таких корней: *pu* 'делать', *teh* 'строить', *fa* 'сажать', *tur* 'бить', *her* 'управлять', *(w)ah* 'приказывать', *šul* 'позволять'.

Под непереходными (интранзитивными) понимаются глаголы соответствующей семантики и без показателя прямого объекта в индикативных словоформах. Примеры таких корней: *nti* 'стоять', *nif(aš)* 'садиться', *wit* 'становиться кислым', *ni* 'идти'.

Ярлыком «переходно-непереходные» некоторые ученые обозначают глаголы, в словоформах которых отмечена морфема *tu/šu* (косвеннообъектный рефлексив «для себя»(?)) или интенсив(?), слот –6). Сюда попадают глаголы из обеих вышеупомянутых групп, причем у некоторых корней известны и формы с *tu/šu*, и формы без этого показателя. Примеры корней: *hil* 'сыпать', *šul* 'позволять', *tur* 'бить', *pu* 'делать', *fa* 'сажать', *karkar* 'скоблить', *(a)pnu* 'наблюдать', *ni* 'идти', *zik* 'падать'.

Примеры индикативных форм. Корень выделен полужирным.

Транзитивные:

ai-p-pu (–7 –5 R) 'мы сделали';

aš-fa (–5 R) или *a-š-fa* (–7 –5 R) 'они посадили';

e-š-ka-her-pi (–7 –5 –2 R 2) 'мы же управляем';

ah-ha-k-šul-fa (–5 –3 –2 R 2) или *a-h-ha-...* (–7 –5 –3...) 'и он пускает';

an-ta-ha-ka-fah-pi (–5 –4 –3 –2 R 2) или *a-n-ta-...* (–7 –5 –4...) 'и он велел';

tu-p-kargar-aš (–6 –5 R 2) 'он скоблил';

fa-tu-haš-tur-u (–7 –6 –3 R 1) 'я бью'.

Интранзитивные:

ka-nti (–2 R) 'он стоит/стоял';

ha-wit-fa (–3 R 2) 'он делается кислым(?) же';

wa-nu-fa (–3 R 2) 'он пошел же';

un-tu-nu (–7 –6 R) 'ты идешь/шел';

tu-k-zik (–6 –2 R) 'он упал'.

И м п е р а т и в, о п т а т и в, п р о х и б и т и в. Как уже было сказано, императив выражается суффиксом *-a* (слот 1); иногда это *-a* отсутствует. Императив известен только при субъекте 2 лица. Показатели лица и числа субъекта (слот –7) и прямого объекта (слот –5) в этих формах не употребляются, но есть примеры, где при императиве стоит полноударное личное местоимение субъекта *we* 'ты'. Примеры немногочисленны:

an-a miš-a (R 1 _ R 1) 'Приди (и) возьми!';

ka-ti-a (–2 R 1) 'Будь положенным(?)!';

ka-mar (–2 R) 'Взрежь!'.

Оптатив выражается комбинацией *te-...-a* (слоты –8 и 1), а прохибитив — комбинацией *taš-te-...-a* (слоты –9, –8 и 1). В ряде употреблений фиксации суффикс *-a* отсутствует. В этих формах могут употребляться показатели субъекта (слот –7) и прямого объекта (слот –5). Примеры:

te-put (–8 R) 'пусть они будут';

te-kunkuhu-a (–8 R 1) 'пусть живет';

te-šu-t-hil (–8 –6 –5 R) 'пусть сыплет/сыплют';

te-ka-te-a (–8 –2 R 1) 'пусть лежит/лежат';

te-k-za-šul-a (–8 –5 –4 R 1) 'пусть пустит/пустят';

te-p-ka-hil-a (–8 –5 –2 R 1) 'пусть моет';

t-un-tu-p-tel-a (–8 –7 –6 –5 R 1) ‘пусть ты/вы...’ (значение корня неясно; в первом слоге сандхи /e/+/u/>/u/);

taš-te-ta-nu-a (–9 –8 –4 R 1) ‘пусть не идет’;

taš-t-u-ta-šul-a (–9 –8 –7 –4 R 1) ‘пусть ты непустишь’.

И м е н н ы е формы у глагола выделить не удастся.

В неизменяемые части речи можно включить:

1) с о ю з ы, например, *anna* ‘когда’, *lama* ‘?’ (фразовый), *ma* ‘но/же(?)’, *pala* ‘и’ (фразовый и словесный) и др.;

2) н а р е ч и я, например, *inta* ‘так, таким способом’ и др.;

3) клитические ч а с т и ц ы, например, *-hu*, показатель начала прямой речи, *-ra* ‘и’, *ma-* ‘и/же(?)’ и др.;

4) проклитические п р е д л о г и, см. описание именной словоформы (слот –3), а также ср. описание глагольной словоформы (слоты –4, –3, –2) в наст. разделе.

5.2.3. Для именного словообразования очень характерно корнесложение. Выделяются три основных типа:

1) «основа существительного + основа существительного», например, *zihar-tail* ‘плотник’ (‘дерево’ + ‘мастер’);

2) «основа существительного + родительный падеж + основа существительного» или «основа существительного + родительный падеж + притяжательное местоимение + основа существительного», например, ^D*fur-un-katte* ‘царь страны (имя божества)’ (‘страна’ + род. п. + ‘царь’), *fur-un-še-mu* ‘мать(?) страны (имя божества)’ (‘страна’ + род. п. + ‘ее’ + ‘мать(?)’);

3) «основа прилагательного + основа существительного»; например, *tittah-zilat* ‘трон’ (‘большой’ + ‘сиденье’);

Встречается редупликация: *šepšep* ‘обувь’, *pirpir*, часть тела.

О суффиксах существительных *-l* и *-t(u)* см. описание именной словоформы в наст. разделе. Вычлениются и другие суффиксы, но об их семантике судить сложно.

Глагольные основы обычно представлены собственно односложным корнем. Показатели места и (или) траектории (см. 5.2.2., слоты –4, –3, –2 в описании глагольной словоформы) можно рассматривать как словообразовательные префиксы.

5.3.0. Синтаксис.

5.3.1. В настоящей статье в соответствии с традицией принимается, что грамматический строй Х.я. номинативно-аккузативный. Однако гипотеза об активном строе Х.я. (или, по крайней мере, об элементах активности, как осторожно предполагает И.М. Дунаевская) заслуживает пристального внимания. П. Гудегебюре обосновывает отнесение Х.я. к языкам активного строя, доказывая, что он демонстрирует так называемую расщепленную активность с неясными правилами распределения. Хотя аргументация Гудегебюре опирается, по сути, только на один языковой пример, следует, однако, признать, что такая интерпретация помогает объяснить ряд форм, не имеющих объяснения в рамках номинативно-аккузативной гипотезы. Достаточно убедительно выглядит и анализ П. Тарахи, при котором Х.я. предлагается считать эргативным.

Порядок слов в предложении с формальной точки зрения свободный. В переходных конструкциях последовательность V(S)O более частотна, чем последовательность с финальным предикатом. В непереходных конструкциях, напротив, SV превалирует по отношению к VS.

Примеры предложений:

- (1) *antuh lezuh lešterah pala lešepšep pala anneš kahanfašuitun*
 a-n-tuh le-zuh- \emptyset le-eš-terah- \emptyset pala
 -7 -5-брать притяж-платье-вин притяж-мн.вин-шкура-вин и
 le-šepšep- \emptyset pala a-n-eš ka-hanfašuit-un
 притяж-обувь-вин и -7 -5-класть -3-трон-род
 ‘(Он) взял свое платье, свои шкуры и свою обувь и положил их на трон’

Обе глагольные формы *a-n-tuh* и *a-n-eš* можно анализировать и как *an-tuh* и *an-eš*, т. е. «-5-брать», «-5-класть»; почему тут показатель прямого объекта (*a*)*n*, т. е. единственного числа, а не множественного, — не ясно; возможно, имело место согласование по числу только с первым объектом в цепочке однородных членов.

- (2) *fašhafma ešfur aškahir*
 fa-šhaf- \emptyset ma eš-fur- \emptyset a-š-kah-hir
 мн-бог-им же мн.вин-страна-вин -7 -5 -2-править
 ‘Боги же правили странами’

- (3) *zar šeštakur šeštahhumeme*
 zar- \emptyset šeš-ta-kur šeš-ta-hhu meme
 овца-им -9 -8²-стоять -9 -8²-говорить бе-е-е
 ‘Овца (на ногах) не стоит (и) не блеет’

В глоссировании этого примера принимается формальная интерпретация глагольных префиксов *šeš-ta-* как показателя прохибитива. В действительности же, как раз данный нарративный контекст не допускает прохибитивного перевода. Таким образом, приведенный пассаж показывает, что глагольный формант *šeš-* (-9) может выражать не только запрет, но и собственно отрицание, а также указывает на существование глагольного префикса *ta-* с неизвестной семантикой (П. Гуде-гебюре трактует здесь *ta-* как показатель агенса).

- (4) *hanuwapa^D hašammil*
 ha-nu-(w)a-*pa* ^Dhašammil- \emptyset
 -3-идти-?-и бог.Хасаммил-им
 ‘И бог Хасаммил пошел’

В атрибутивных конструкциях определение обычно предшествует определяемому. Насколько регулярно грамматические показатели дублируются (или не дублируются, или же наличествуют только у первого члена конструкции, т. е. у прилагательного), т. е. как согласуется прилагательное с главным именем, судить сложно.

В генитивных именных конструкциях имя в родительном падеже предшествует главному имени. При посессивном генитиве к главному имени обычно присоединяется притяжательное местоимение: ^DUTU-un *te-pin* ‘сын Солнечной богини’ (‘Солнечная богиня’ + род. п. притяж. мест. + ‘сын’), *fur-un te-fa-katti* ‘цари страны’ (‘страна’ + род. п. притяж. мест. + мн. ч. + ‘царь’).

5.3.2. Об организации сложного предложения сказать что-либо определенное затруднительно.

5.4.0. В Х.я. выделяется небольшая группа заимствований из семитских языков (причем скорее из западносемитских диалектов, нежели из аккадского): *kazue*

‘кубок’ < аккад. *kāsu-m* или угар. *ks, karam* ‘вино’ < зап.-сем. **karm* ‘виноградник, виноград’. Есть заимствования и из западнокавказского праязыка: *hapalki* ‘железо’ < празап.-кавк. **ḫI^wə-rəʕə* ‘медь’, с передачей палатализованного заднеязычного латерала как *lki* (несмотря на семантическую разницу этот источник заимствования фонетически предпочтительнее, чем празап.-кавк. **ḫI^wə-ḫ^wV* ‘железо’).

6.0. О диалектах Х.я. ничего не известно.

ЛИТЕРАТУРА

- Дунаевская И.М., Дьяконов И.М. Хаттский (протохеттский) язык // Языки Азии и Африки. М., 1979, т. 3.
- Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985.
- Камменхубер А. Хаттский язык // Древние языки Малой Азии / Пер. с нем. и предисл. И.М. Дунаевской. М., 1980.
- Goedegebuure P. Central Anatolian languages and language communities in the Colony period. The Luwian substrate of Hattian and the independent Hittites // PИHANS, 2008, vol. 11.
- Goedegebuure P. The syntactic alignment of Hattian // Доклад на 53 Rencontre Assyriologique Internationale, July 25, 2007 [не опубликовано].
- Kassian A.S. Hattic as a Sino-Caucasian Language [в печати].
- Taracha P. Zu den syntaktischen Verknüpfungen im Hattischen // Altorientalische Forschungen, 1988, Bd. 15.
- Soysal O. Zum Namen der Göttin Katahzipuri mit besonderer Berücksichtigung des Kasussystems des Hattischen // Papers presented to the 53 Rencontre Assyriologique Internationale, July 25, 2007 [в печати].
- Taracha P. Zum Stand der hattischen Studien: Mögliches und Unmögliches in der Erforschung des Hattischen // O. Carruba, M. Giorgieri, C. Mora (eds). Atti del II congresso internazionale di hittitologia. Pavia, 1995.
- Основные грамматические описания и словари
- Girbal Ch.* Beiträge zur Grammatik des Hattischen (Europäische Hochschulschriften Reihe XXI, Bd. 50). Frankfurt am Main; Bern; N.Y., 1986.
- Klinger J.* Hattisch // M.P. Streck (Hrsg.). Sprachen des Alten Orients. Darmstadt, 2005.
- Soysal O.* Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung (Handbuch der Orientalistik, Abt. 1, Bd. 74). Leiden, 2004.
- Публикации (корпусы) текстов
- Klinger J.* Untersuchungen zur Rekonstruktion der hattischen Kultschicht (Studien zu den Boğazköy-Texten, Bd. 37). Wiesbaden 1996.
- Schuster H.-S.* Die Hattisch-Hethitischen Bilinguen. I. Einleitung, Texte und Kommentar. Leiden, 1974, Teil 1.
- Schuster H.-S.* Die Hattisch-Hethitischen Bilinguen. II. Textbearbeitungen. Leiden, 2002, Teile 2–3.
- Soysal O., Süel A.* The Hattian-Hittite Foundation Rituals from Ortaköy (I) // Anatolica, 2007, vol. 33.
- Soysal O., Süel A.* The Hattian-Hittite Foundation Rituals from Ortaköy (II–III) [в печати].

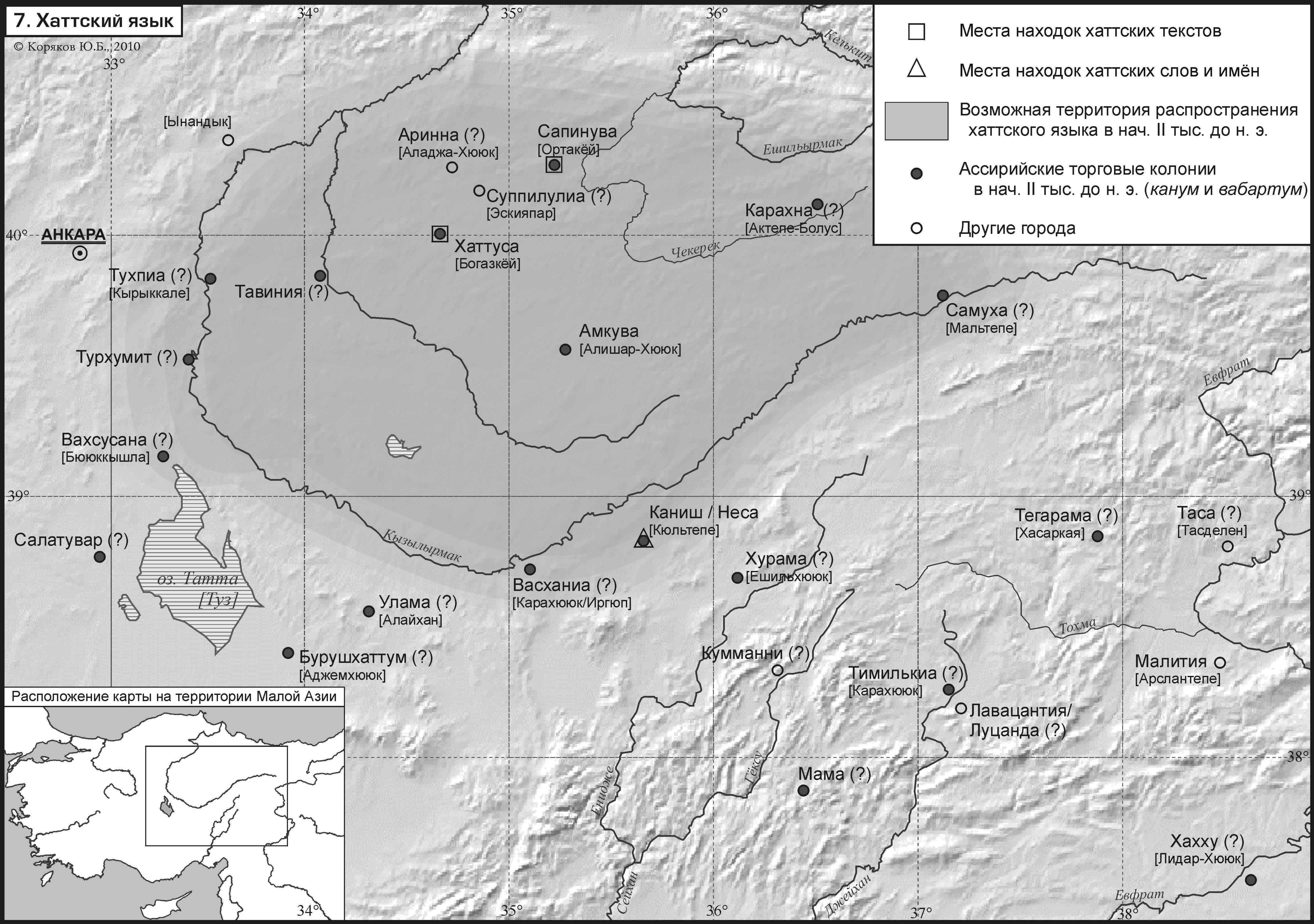
П.В. Иосад

КАССИТСКИЙ ЯЗЫК

1.0. Касситский язык (К.я.). Название связано с этнонимом «касситы», аккад. *kaššū* (в средневавилонский период встречается также написание *ku-uš-šu, kunšu*), греч. Κοσσαίοι, лат. *Coss(a)ei, Cossaipei*. В касситских текстах встречается корень G/Kal^с, являющийся источником аккадской формы (через формы *galzu, galdu*,

7. Хаттский язык

© Коряков Ю.Б., 2010

АНКАРА

Расположение карты на территории Малой Азии

